

Ли́ка Семенова

**МАМА ДЛЯ ПИЯВКИ,
ИЛИ ДРАКОНА В МУЖЬЯ
НЕ ПРЕДЛАГАТЬ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С30

С30 **Семенова Л.**
Мама для пиявки, или Дракона в мужа не предлагать / Лика Семенова – М.:
Литнет, 2025. – 418 с.

ISBN 978-5-521-93814-8

Угрозило же нарваться на эту липучую милаху! Прицепилась, как пиявка – не отдерешь! Лепешку мою отъела! И что теперь с ней делать? Просит отвести к отцу – пришлось пообещать. А кто у нас папаша? Вот, уж, спасибо – в здравом уме никто не свяжется с драконом! Ладно, доведу девчонку до ворот и улизну. У меня своих дел по горло. Нужно поскорее сесть на корабль и сбежать от кредиторов, иначе дела мои... кхм. Так себе, в общем, дела...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93814-8

© Литнет, 2025
© Л. Семенова, 2025

1

– Сколько за лепешку?

Я старалась не слишком жадно смотреть на выложенную на лотке румяную выпечку. Еще горячая, ароматная. В кошельке было всего три медных селя. Проще сказать: не было ничего. Но я уже сутки ничего не ела, если не считать горсти ягод борятника.

Продавец, рослый краснощекий детина в грязном фартуке, окинул меня подозрительным взглядом:

– Два селя.

Я сглотнула, давась слюной, ткнула пальцем в крошечный пирожок:

– А это?

Он даже хохотнул:

– Четыре!

Надо думать, – пустая лепешка дешевле всего. На оставшийся селя я смогу купить разве что кружку воды. Желудок громко заурчал – запах был невыносимый. Как говаривал папенька: «Денег нет – и это не деньги». Лучше сдохнуть с голоду когда-нибудь потом, чем прямо сейчас.

Я протянула две монеты:

– Дай лепешку.

Продавец подцепил румяный круг деревянной палочкой. Я выхватила, словно боялась, что тот передумает. И тут же пошла прочь, торопливо осматриваясь. Лишь бы не нарваться на стражу. Жадно вдыхала аромат выпечки, не решаясь откусить. Но и делить это жалкое угощение было бессмысленно – половиной совсем не наемся, все равно, что не ела. Но, что имею – все мое! И сам демон Бушарад не отберет!

Казалось, все только и таращились на мою лепешку. Да я за нее прибыю! Я свернула в узкую улочку, на которой было не так много-

людно. Приглядела укромный уголок под дырявым навесом у груды старых корзин. Уселась на каменный выступ, вытянула ноги, прислонилась к стене. Снова вдохнула аромат моей бесценной лепешки. Глянцевая, словно лакированная корочка просто сводила с ума. При одной мысли о том, как она хрустит, можно было захлебнуться слюной.

Я облизала губы, открыла, было, рот. Но, тут же, замерла, буквально шкурой чувствуя пристальный взгляд. Будто в меня иголкой тыкали. Я с опаской осмотрелась – не хватало только крыс этого жирного борова Фарвана – тогда я в полной заднице. К такому я точно не готова... Но все было спокойно. Редкие прохожие не обращали на меня никакого внимания, однако противное чувство не отпускало.

Я снова поднесла лепешку к губам. Но кусок буквально не лез в горло, точно за руки держали. И проклятой иголкой тыкали и тыкали. Я снова осмотрелась. Все та же тихая улочка, редкие прохожие, которым не было до меня никакого дела. Да и корзины загораживали меня от чужих глаз. Вдруг я застыла, заметив между этих самых корзин два огромных васильковых глаза, жадно впившихся в мою лепешку. Надо же, какие глазищи...

Ну, уж, нет!

Я спрятала лепешку в складках юбки. Мое – до последней крошки! Кто бы там не глядел! Поднялась и вышла из-под навеса. Придется искать другое место, иначе точно подавлюсь. Я дошла до конца улицы, нырнула в каменную арку. Поднялась по крутым ступенькам и свернула за угол в пустынный переулок. Но не отпускало мерзкое ощущение, будто ко мне привязали веревку, словно поводок. И чем дальше я отходила, тем сильнее она натягивалась.

Я прибавила шаг, прошла еще немного. Не выдержала, остановилась и обернулась. Этого только не хватало! Такие глазищи точно ни с чем не перепутать!

Посреди дороги стояла хорошенькая цыпляче-рыжая девчонка

лет пяти. Лохматая, чумазая. Но я даже издалека видела, что платье на ней стоило сумасшедших денег, хоть и было грязным. Ее семья, уж точно, не бедствовала. Так что, нечего на мою лепешку глазеть! Как только она угналась за мной своими маленькими ногами?

Я строго посмотрела на нее:

– А, ну, не ходи за мной! А то матери пожалуюсь! Иди домой!

Я тут же развернулась, дошла до конца переулка, свернула за угол и прибавила шаг. Главное, чтобы малявка не догнала. Вот привязалась! Как пиявка!

Но уже знакомое ощущение поводка наводило на определенные мысли... Я вышла на небольшую площадь с пересохшим фонтаном, обернулась. И уже даже не удивилась, обнаружив в нескольких шагах эту мелкую поганку. Бегаёт она быстро... Малявка снова тарасилась на меня, хлопала огромными синими глазищами.

Я беспомощно огляделась. Почему она привязалась именно ко мне, а не к какой-нибудь упитанной чистенькой горожанке или лоточнице. Там бы точно что-то перепало, если она позарилась на мою лепешку. Ну, уж, нет! Меня этими глазками не разжалобить! Не на ту напала! Братьев-сестер у меня нет, как и потребности, тут же, холить и лелеять. Пусть кто-нибудь другой с ней возится! Домой отведет, в конце концов.

Я снова развернулась и решительно пошла через площадь. Остановилась у фонтана, снова обернулась – расстояние между мной и этой пиявкой не увеличилось... Я миновала площадь, свернула в очередную улочку. Рыжая малявка так и тащилась за мной. Терпение лопнуло.

Я подошла к ней:

– Зачем за мной ходишь? – старалась, чтобы голос звучал грозно. Девчонка молчала. Только глазищами хлопала.

– Домой иди, поняла? Мать есть у тебя?

Та не сводила с меня глаз, будто заколдовать хотела. Аж стало не по себе. И все так же молчала. Немая, что ли?

Я поджала губы:

– Ну, что вылупилась? Домой, говорю, иди. Отвяжись от меня. Да что же это такое!

Она вдруг взяла меня за руку, сжала теплой грязной ладошкой. Хоть провались! Да уж, кремень из меня не вышел. Я сдалась, с сожалением выдохнула:

– Есть хочешь?

Девчонка кивнула, смущенно улыбнулась, сверкнув мелкими зубками. И будто вся засветилась со своими цыплячьими волосами. Ну, и как обидеть такое чудо в перьях?

– Объявилась ты на мою голову... – Я увела ее с дороги к стене. – Я сама голодная, понимаешь? В чужом городе. А мне еще в Даламару неделю идти. А денег нет. Мне самой мало, понимаешь?

А она лишь доверчиво таращилась и все так же улыбалась. Я покачала головой от досады:

– Как звать-то тебя? – Я ткнула пальцем себе в грудь: – Я – Розалина. А ты?

И снова молчание.

– Не скажешь? Тогда будешь Пиявкой. Поняла? Присосалась – не оторвать! – Я, все же, ждала возмущения. Но не дождалась... – Слышишь меня? Пиявкой будешь!

Девчонка лишь еще шире улыбнулась и с готовностью кивнула. Будто я ее этим прозвищем осчастливила.

Я достала лепешку, помедлила пару мгновений... Корочка с хрустом разломилась. А вместе с ней – мое сердце.

Я присела, протянула Пиявке кусок поменьше:

– На. Ты – маленькая, тебе меньше надо. А я – большая. Поняла? Так что, ешь, и отстань. Домой иди.

Та взяла кусок грязными ручонками, кивнула. Вдруг кинулась мне на шею и обняла так, будто хотела задушить. И что-то больно кольнуло под лопаткой. Так, что я даже подскочила и замахала руками. Овод, что ли? Или еще какая дрянь. Лишь бы не разнесло!

Я отряхнула юбку:

– Ну, все. Хватит! Мне идти нужно. Понимаешь? А ты ешь лепешку и ступай домой. К матери иди.

Кажется, это был тупик... Вместо того, чтобы отстать, Пиявка намертво вцепилась в мою юбку. Лепешка ее уже и не слишком интересовала.

Надо придумать, как от нее отделаться. Не могу же я это чудо за собой таскать. Наверняка у нее есть мать и куча нянек. И все волнуются. Я посмотрела на ее платье, явно шитое золотом. А, может... отвести ее домой? Может, награду дадут?

Идея казалась заманчивой, но чутье подсказывало, что все может обернуться совсем иначе. Как бы еще не обвинили в чем. Если дело дойдет до стражи – я точно пропала. Я еще в Гросене просекла, что меня объявили в розыск. Пока не доберусь до Даламары – не выдохнуть. С Пиявкой я совсем забыла об осторожности.

Я растерянно огляделась, и сердце замерло, когда показали характерные островерхие каски. Стражники шли прямо на меня. Этого только не хватало!

2

Я замерла, не понимая, как могла так бездарно влипнуть. Всю дорогу была очень осторожной – всегда уходила от стражи. А из-за этой малявки... Медлить было глупо – расстояние между нами сократилось. Но и бежать у них из-под носа – сразу выдать себя. Может, все еще обойдется? Не такой, уж, я и великий преступник, чтобы везде в лицо узнавали.

Я посмотрела на Пиявку – она все так же держалась за мою юбку, хлопала глазищами. Мусолила лепешку. Скорее, облизывала, чем ела. Я подхватила девчонку на руки, обняла и решительно пошла навстречу страже. Звонко чмокнула Пиявку в грязную щеку:

– Сейчас, моя детка. Вернемся домой, и твоя любимая мамочка тебя вкусно покормит. – Говорила нарочито громко, чтобы все слышали. – Только сначала помоемся. Ладно? Смотри, какая ты у меня вся чумазая! Разве это прилично для льери? Тебя нужно отругать!

Пиявка лишь обхватила меня за шею, прижалась и сопела. Жесткая вышивка ее рукава царапала щеку, как наждак. Золота точно не пожалели! Осталось лишь догадываться, как маленькая девочка из богатого дома оказалась одна на городских улицах. Не иначе, удрала. Вон она, какая шустрая, хоть привязывай. Нянькам головы посшибают. Раззявы! Наверняка они уже весь город оббежали. Было бы славно, если бы навстречу попались – гора с плеч.

Как назло, снова невыносимо зажгло под лопаткой. Я чуть Пиявку не уронила. Вот угораздило! Я сцепила зубы. Ладно, это потом... Сейчас важнее пройти стражу.

Не сказать, чтобы на нас совсем не обратили внимания – проводили взглядами. Но чрезмерного любопытства стража не выказала. Я завернула за угол, замерла, слушая удары сердца. Наконец, опустила Пиявку на землю и осторожно выглянула. Хвала Великому – стражники уходили. И только теперь я поняла, что у меня

предательски дрожат руки. Я, правда, испугалась. Если попадусь страже – меня передадут Фарвану. А там лишь два выхода: или долговая тюрьма, или... Я скривилась от омерзения. Фу! Даже думать противно! Ни за что! Лучше тюрьма. А еще лучше – добраться до Даламары и сесть на корабль. Как можно скорее.

Я с облегчением выдохнула, опустила голову. Взгляд упал на Пиявку. Ну и что теперь с ней делать? Ей домой надо. Надеюсь, она знает, куда идти... Еще и молчит, как назло.

Я присела, поправила Пиявке волосы, упавшие на лицо. Та просияла от моего жеста, глазенки загорелись. Она снова поднесла лепешку к губам, немножко погрызла, будто стеснялась.

Я выдохнула:

– Ну? Что мне с тобой делать, чудо в перьях?

Вместо ответа Пиявка подалась вперед и повесилась мне на шею. Обхватила ручонками. Даже ткнулась в щеку губами. И снова спину запекло.

Я поспешно поднялась, буквально не зная, куда себя деть. Это было так... странно, что казалось, будто я краснею. Тоже мне, растаяла! Никогда с детьми не сюсюкалась – и не буду. Не мое это! Но... Великий, что же с ней делать? Не бросать же посреди улицы? Не по-людски это как-то. Малявка совсем. Любой может обидеть.

Я снова присела, посмотрела в ее синие глаза:

– Ты знаешь, где живешь?

Пиявка, вдруг, с готовностью кивнула:

– Во дворце, – звонкий голосок звякнул колокольчиком.

Я от неожиданности едва не села прямо на дорогу. Значит, эта мелкая поганка разговаривает! А мне только голову морочила! Ну, Пиявка!

Я с трудом сдерживалась, чтобы не накричать на нее.

– Во дворце, значит...

Тоже мне, открытие. По ее платью сразу видно, что не в лачуге. Городишко хоть и небольшой, но я его совсем не знала. Сколько здесь вообще дворцов? Хоть бы один.

– Как тебя зовут?

Она умильно улыбнулась:

– Пиявка! – и тут же заливисто расхохоталась.

– По-настоящему?

– Пиявка!

Поганка продолжала хохотать и ничего больше не отвечала. Кажется, мое прозвище ей, страх, как понравилось. Ну, Пиявка! Была бы я ее мамашей, так по заднице наваляла! Она бы у меня по струнке ходила!

Я выдохнула, стараясь набраться терпения. Ну не умею я! Не умею и не хочу! Стелись теперь тут перед этой козявкой, чтобы что-то выудить! Развернуться бы да уйти прочь. Но как теперь уйти, Великий?! Совесть загрызет. Подведу это чудо к воротам, стукну. Посмотрю издалека, что ее впустили. И прочь из города. Без денег здесь все равно нечего делать – только лишние риски.

Я снова постаралась набраться терпения. Взяла Пиявку за руку:

– Пиявочка, миленькая... У тебя мама есть?

Та с готовностью кивнула. Прекратила хохотать и теперь просто широко улыбалась. Давила милотой, аж зубы сводило.

– А папа?

Она снова кивнула.

– Как зовут твоего папу?

Я очень надеялась, что она назовет имя или, хотя бы, титул. В богатых домах дети такие вещи знают с пеленок. Но Пиявка осталась собой... Сложила губы бантиком:

– Папа.

– Ну, имя же у него есть? Как его зовут?

А теперь просто хлопала глазами...

Ну, Пиявка!

Разговор выходил бестолковый, к тому же, мы начали привлекать внимание. Я взяла ее за руку:

– Пошли, хулиганка.